

Евгений
Клюев
Сказки

СЛОН

в полном
слысле
этого
слова

С. Муллари

художник

Евгений Васильевич Клюев
Слон в полном
смысле этого слова
Серия «Сказки Евгения Клюева»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68901648

Слон в полном смысле этого слова / Клюев Е.: Самокат; Москва; 2022

ISBN 9785001674757

Аннотация

Жизнь полна маленьких чудесных событий, которые в повседневной суете часто, увы, остаются незамеченными. Но тому, кто не суетится и умеет посмотреть на окружающие нас предметы внимательно – по-настоящему внимательно, как смотрят сказочники! – открывается удивительный мир. В этом мире бумажные кораблики уплывают в дальние страны – к пальмам, тиграм и павлинам. А весы показывают, что любовь всегда весит гораздо больше, чем ненависть, а заботы – меньше, чем веселье. И у каждого есть душа – и у больших предметов, и у маленьких.

Евгений Клюев – один из самых ярких авторов, пишущих сегодня по-русски, поэт, филолог, лауреат престижных литературных премий, кавалер Ордена Почётного Додо, признанный эксперт в литературе абсурда, автор нового – и

самого близкого к оригинальному тексту Льюиса Кэрролла – перевода «Алисы в Стране чудес». Его сказки входят в школьную программу, их играют на большой и малой сцене в разных странах, на разных языках.

«Слон в полном смысле этого слова» – второй том смешных и грустных, добрых и поэтичных «Сказок Евгения Клюева» – выходит в издательстве «Самокат» с иллюстрациями Светланы Муллари.

Содержание

Долгая жизнь мыльного пузыря	8
Замок со сломанной дужкой	15
Утёнок, упрямый как бык	23
Словно целый парусный флот	31
Грёзы балкончика	38
Два зонтика	45
Пустая петелька	51
Слон в полном смысле этого слова	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Евгений Ключев

Слон в полном смысле этого слова

Серия «Сказки Евгения Ключева»

© Ключев Е., текст, 2022

© Муллари С., иллюстрации, обложка, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом “Самокат”», 2022

Долгая жизнь мыльного пузыря

И нечему тут, между прочим, особенно удивляться: долго жить не запретишь!

Даже мыльному пузырю не запретишь, хоть мыльные пузыри и принято считать самыми хрупкими созданиями на свете. И есть, скажу я вам, в этом своя правда – оболочка мыльных пузырей всё-таки до ужаса просто ненадёжная: малейшая неточность движения – и... прости-прощай, глубокоуважаемый мыльный пузырь!

– Прости-прощай, глубокоуважаемый Мыльный Пузырь! – именно так было сказано Мыльному Пузырю, едва он покинул кончик соломинки, где и посидел-то всего секунду-другую.

– Это то есть как «прости-прощай»? – озадачился Мыльный Пузырь, который только что собрался отправиться в кругосветное путешествие.

– Гм... – был ответ.

После ответа были объяснения, правда, очень туманные:

– Дело в том, что нам, глубокоуважаемый Мыльный Пузырь, лучше всего проститься с Вами заранее... м-да, на всякий случай. А то как бы потом поздно не оказалось.

– Но мы же ещё не здоровались! – некстати вспомнил Мыльный Пузырь. – Не рано ли нам прощаться?

– Здороваться иногда бывает бессмысленно, – загадочно ответили ему. – С вами, пузырями мыльными, только начнёшь здороваться – глядишь, вас и нету уже!

– Это куда ж мы, пузыри мыльные, деваемся-то? – озабочился Мыльный Пузырь.

– Да взрываетесь вы... – сконфуженно объяснили ему.

– Ну, не скажите! – не выдержал Мыльный Пузырь. – Пока Вы тут мне всё это рассказывали, мы уже десять раз могли бы поздороваться. Я и до сих пор, кстати говоря... целёхонек – и взрываться не собираюсь!

– Все мыльные пузыри взрываются, – мягко заметили в ответ. – Это только вопрос времени. Грустно, конечно, да что поделаешь! Такой уж вы народ...

– Станный мы народ... – сказал Мыльный Пузырь и поплыл над городом.

– Вы напрасно плывёте над городом! – крикнули ему

вслед и предупредили: – Любая секунда может стать для Вас последне-е-ей...

Мыльный Пузырь решил ничего не кричать в ответ, но подумал, что не только для него, но и вообще для каждого любая секунда может стать последней – и совсем неважно, кто ты при этом: мыльный пузырь или... допустим, во-о-он тот кот, оч-чень неосторожно в данный момент переходящий дорогу.

Мыльный Пузырь плыл над городом и смотрел по сторонам. Внезапно он увидел огромную вывеску и прочитал на ней по слогам:

Тут-то Мыльный Пузырь и понял: единственное, чего ему недостаёт в жизни, – это гольф.

– Здравствуйте! – влетел он прямо под вывеску. – Я больше всего на свете хотел бы научиться играть в гольф!

– Обучение занимает шесть месяцев, – улыбнулись в ответ. Потом помолчали и добавили: – А шесть месяцев – это полгода. – И совсем неожиданно закончили: – А Вы – мыль-

ный пузырь.

– Вы, стало быть, мыльных пузырях не принимаете? – уточнил он.

– Ни один мыльный пузырь не живёт полгода, – объяснили ему. – Мыльный пузырь живёт лишь несколько минут, и то в лучшем случае. Вам жить считанные секунды осталось, Вы это понимаете?

– Понимаю, – сказал Мыльный Пузырь. – А я не могу прожить эти считанные секунды, обучаясь игре в гольф?

Ему ответили с возмущением:

– Гольф, глубокоуважаемый Мыльный Пузырь, – серьёзная игра. Ей за считанные секунды не обучишься.

– Тогда простите и извините меня, – вежливо сказал Мыльный Пузырь и полетел дальше.

Яркий плакат с флагом приглашал посетить Америку. Мыльный Пузырь немедленно решил принять приглашение – и на немыслимой скорости влетел в туристическое агентство.

– Один билет в Америку, – быстро сказал он.

На него посмотрели с интересом.

– Полёт занимает одиннадцать часов, глубокоуважаемый Мыльный Пузырь! А в Вашем распоряжении – только...

– ...несколько минут в лучшем случае, – отчитался Мыльный Пузырь и, извинившись, покинул туристическое агентство.

Слева от него играла музыка и кружилась карусель.

Подлетев к билетёру, Мыльный Пузырь осторожно спросил:

– Скажите, пожалуйста, сколько времени занимает одно катание на карусели?

– Одно катание на карусели, – уверенно ответил билетёр, – занимает четыре минуты и пятьдесят две секунды.

– Тогда я успею, – сказал Мыльный Пузырь и, купив билет, уселся на кончик носа Тигра. Тигр хотел чихнуть, но сдержался.

И вот оно началось – одно катание на карусели. Одно восхитительное катание на карусели... А потом ещё одно. И ещё одно. И ещё...

Если вы сегодня навестите городской парк и подойдёте к карусели, вы обязательно увидите мыльный пузырь на кончике носа у Тигра. Этот мыльный пузырь называют Самым Старым Мыльным Пузырём в городе.

Конечно, Тигру до сих пор хочется чихнуть, но он сдерживается – и одно восхитительное катание на карусели продолжается, продолжается, продолжается...

Замок со сломанной дужкой

Уже по названию этой истории понятно, что речь у нас о грустном пойдёт.

О грустном она и пойдёт, поскольку Замок-со-Сломанной-Дужкой – зрелище совсем невесёлое. И тут уж никому не надо объяснять, почему оно невесёлое: если у замка дужка сломана, на него ничего не запрёшь. Между тем замки существуют только и исключительно для того, чтобы на них запирали, – другого назначения замкам никто пока, увы, не придумал, сколько ни думали.

Как уж случилось, что дужку сломали, – неизвестно. Но

теперь замок повесили на дверную ручку – и дужка у него крутилась во все стороны, не желая входить в положенное ей отверстие.

– Что это у Вас, дорогой Замок, дужка-то всё крутится и крутится? Вы бы как-нибудь остановили её... – недоумевала Дверная Ручка.

– Да как же мне её остановить, когда она сломана? – в отчаянии восклицал Замок-со-Сломанной-Дужкой, пытаюсь, правда, время от времени добиться того, чтобы дужка всё-таки входила в положенное ей отверстие.

Но та не входила, а только крутилась дальше.

– Скорее всего, это безнадежно! – трагическим шёпотом сказала наконец Дверная Ручка. – Типичный случай. Я знаю такие случаи...

– Какие случаи? – испуганно спросил Замок-со-Сломанной-Дужкой.

– Ну-у-у... – нерешительно продолжала Дверная Ручка, – случаи, когда наступает болезнь души.

– Душа-то тут при чём? – опешил Замок-со-Сломанной-Дужкой.

– Как – при чём? – в свою очередь, опешила Дверная Ручка. – У больших предметов – душа, а у маленьких, как Вы, – душка, правильно?

– Вроде правильно... – не очень уверенно ответил Замок-со-Сломанной-Дужкой.

– Значит, – продолжала Дверная Ручка, – то, что у дру-

гих называется «болезнь души», у Вас называется «болезнь душки», правильно?

– Вроде правильно, – опять пришлось согласиться Замку-со-Сломанной-Дужкой.

– Что и требовалось доказать! – воскликнула Дверная Ручка.

– Что и требовалось доказать... – грустно повторил за ней Замок-со-Сломанной-Дужкой.

– Ну и всё, – подытожила Дверная Ручка.

– Как это – «всё»? Что значит «всё»? – ужаснулся Замок-со-Сломанной-Дужкой.

– Что зна-а-ачит, что зна-а-ачит... – передразнила его Дверная Ручка. – Вам в больницу надо, вот это что значит! В больницу для душевнобольных. Я слышала, что есть такие больницы. Их ещё иногда называют, – тут Дверная Ручка опять перешла на трагический шёпот, – «сумасшедшие дома»... правда, те, кто хорошо воспитан, такого названия не употребляют. Так что считайте, я этого – не говорила!

– Как же не говорили, когда только что сказали! – растерялся Замок-со-Сломанной-Дужкой.

– Не говорила! – заупрямилась Дверная Ручка. – А сказала только для того, чтобы Вы поняли, насколько Ваше положение серьёзно.

– Моё положение серьёзно, – опять повторил за ней Замок-со-Сломанной-Дужкой и стал мрачнее тучи.

– Вот теперь у Вас правильная реакция! – одобрила его Дверная Ручка. – Давайте, значит, вызывать Скорую Помощь.

И она вызвала Скорую Помощь.

Скорая Помощь приехала мгновенно и, даже не заходя в дом, спросила:

– Где больной?

– Вот он! – показала Дверная Ручка на Замок-со-Сломанной-Дужкой.

– Что с Вами? – так и не заходя в дом, опять спросила Скорая Помощь.

– Я сумасшедший, – набравшись смелости, ответил Замок-со-Сломанной-Дужкой. – Меня нужно отвезти в сумасшедший дом.

– Заметьте, что это сказала не я, – обратилась к Скорой Помощи Дверная Ручка. – Это он сам сказал!

– Я заметила, что это не Вы сказали! – заверила Дверную Ручку Скорая Помощь и с состраданием посмотрела на Замок-со-Сломанной-Дужкой. – А откуда Вы знаете, что Вы сумасшедший?

– Знаю от Дверной Ручки, – глядя прямо в глаза Скорой

Помощи, признался Замок-со-Сломанной-Дужкой.

– А Вы откуда знаете, что Замок-со-Сломанной-Дужкой – сумасшедший? – подозрительно поинтересовалась Скорая Помощь.

– Да Вы только посмотрите на него! – возвала к Скорой Помощи Дверная Ручка. – У него же душка в разные стороны крутится – и в отверстие не попадает, сколько он ни старается...

– Интере-е-есно... – задумалась Скорая Помощь. – Интересно, только непонятно, какое отношение сломанная дужка имеет к сумасшествию? На основании чего Вы, уважаемая Дверная Ручка, поставили такой диагноз?

– На основании того, что это типичный случай! – заявила Дверная Ручка.

Тут Скорая Помощь ещё сильнее задумалась, а потом спросила у Замка-со-Сломанной-Дужкой:

– У Вас, дорогой Вы мой, где душа расположена?

– У меня не душа, – поправил Скорую Помощь Замок-со-Сломанной-Дужкой. – Это у больших предметов – душа. А у маленьких, таких как я, – душка.

– Что ещё за глупости? – нахмурилась Скорая Помощь. – У каждого – душа, а никакая не «душка»: это не зависит от того, большой предмет или маленький! У больших предметов – душа, и у маленьких тоже душа, причём душа у всех – одинаковых размеров. Ну-с... так где у Вас всё-таки душа расположена?

Замок-со-Сломанной-Дужкой как следует подумал и сказал:

– Мне кажется, что у меня душа там расположена, где замочная скважина... То есть внутри. Как у всех.

– Совершенно верно, – согласилась Скорая Помощь.

– Ничего не верно, – закричала Дверная Ручка, – ничего не верно: у Замка-со-Сломанной-Дужкой не душа, а душка, и эта душка расположена у него на голове!

– Вот Вами-то, любезнейшая, мы и займёмся, – сказала Скорая Помощь и ловко надела на Дверную Ручку смирительную рубашку, предварительно перевесив Замок-со-Сломанной-Дужкой на одну из петель.

Потом погрузила Дверную Ручку в свой фургон и обратилась к Замку-со-Сломанной-Дужкой:

– Эта Дверная Ручка сошла с ума, и я сейчас отвезу её в больницу для душевнобольных. А Вам, дорогой Замок-со-Сломанной-Дужкой, надо было не Скорую Помощь вызывать, а Скобяных Дел Мастера: видимо, Вас надо просто смазать хорошим маслом.

И Скорая Помощь, приветливо помахав Замку-со-Сломанной-Дужкой, уехала.

Говорят, когда хозяева вернулись домой, они очень расстроились, не обнаружив на двери ручки. Потому что дверь без ручки пользоваться ужасно трудно!..

Утёнок, упрямый как бык

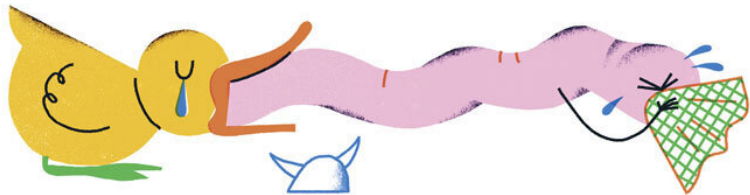
Утёнок, Упрямый как Бык, уплыл от других утят вниз по реке и там играл толстой щепкой. Он не хотел, чтобы этой толстой щепкой играл кто-нибудь, кроме него, потому как щепка была хоть и толстая, но только одна. И потом, это была его щепка: это он волок её с берега изо всех своих утячьих сил – и приволок, и спустил на воду, и тогда щепка стала корабль. И Утёнок, Упрямый как Бык, водил свой корабль туда-сюда – и корабль ему подчинялся. А другим бы утятам он

всё равно не подчинялся, потому что это был не их корабль.

– Плыви, мой корабль! – распевал во всё горло Утёнок, Упрямый как Бык, делая ударение на слове «мой» – чтобы никто не дай бог не подумал, будто это не его корабль, а чей-нибудь ещё! Впрочем, так никто и не думал.

Никто, кроме... кроме, оказывается, самой реки. Река схватила корабль прямо у Утёнка из-под носа и увела в море. Утёнок поплыл было за ним в море, но мама остановила его, сказав, что ребёнку в море делать нечего. А здесь, на берегу, оказывается, было что делать: здесь следовало уже начинать есть червяка.

Утёнок, Упрямый как Бык, ел его и плакал.

Он плакал так горько, что даже Червяк, у которого как будто бы имелись и свои причины для огорчения, разрыдался, глядя на него. Увидев рыдающего Червяка, Утёнок, Упрямый как Бык, не стал доедать его и сказал:

– Извини, что я тебя ел. Я не видел, что ты весь в слезах. А то бы я не ел.

– Ничего, ешь. Нас всегда едят, – ответил Червяк, рыдая.

– Да нет, – отошёл от него на некоторое расстояние Утёнок, Упрямый как Бык. – Лучше уж я съем другого какого-нибудь червяка, равнодушного.

– Тогда и сам не плачь! А то мне тебя жалко, хоть ты меня и ешь.

– Я тебя уже не ем, – напомнил Утёнок, Упрямый как Бык. – А плакать я должен. Потому что река унесла мою толстую щепку, которая была корабль.

– В таких случаях надо не плакать, а действовать! – сказал Червяк, вытер слёзы и уполз расти, потому что был частично съеден.

А Утёнок, Упрямый как Бык, решил последовать его совету и действовать. Сначала – остановив реку. Для этого он сказал ей:

– Река! Не теки!

Потом подождал немного и удовлетворённо крикнул:

– Всё. Река не течёт.

– Течёт, течёт! – загалдели другие утята. – Вон по ней прямо перед тобой коряга движется: это её река несёт!

– Нет, – отвечал Утёнок, Упрямый как Бык. – Коряга сама собой движется. У неё мотор. А река не течёт.

– У коряг моторов не бывает! – заспорили другие утята. – Коряги внутри деревянные.

– А эта коряга внутри не деревянная. У этой – мотор.

На сей раз другие утята промолчали. А Утёнок, Упрямый

как Бык, выплыл на середину реки и, перебирая под водой лапками, сделался как маленький бакен.

– Проплыв запрещён! – громко заявил он.

Стайка рыбок удивлённо посмотрела на него, а одна из рыбок высунулась из воды и спросила:

– Это ещё почему?

– Плывите назад, – распорядился Утёнок, Упрямый как Бык. – Река больше не течёт. Я запретил ей.

Рыбки переглянулись и поплыли назад.

Между тем Утёнок, Упрямый как Бык, уже командовал дальше.

– Проплыв запрещён! – провозгласил он, увидев, что прямо на него надвигается огромный Пароход, полный пассажи-

ров.

– А что случилось? – спросил Пароход.

– Река больше не судоходна. Она не течёт. Реки, которые не текут, несудоходны.

– Ерунда какая-то, – озадачился Пароход. – С чего это ты вдруг взял, что река не течёт? Я плаваю тут много лет и знаю реку как облупленную: она всегда течёт. Кстати, у меня на борту пассажиры, которых я должен доставить к пристани, причём в срок. Освободи-ка дорогу!

– Река не течёт потому, что я приказал ей не течь. А Вам, Пароход, я приказываю вернуться к месту убытия.

Пароход просто оторопел от этих слов и возмущённо загудел.

– Что за шум? – вышел на капитанский мостик Капитан.

– Да вот... – сконфузился Пароход. – Утёнок один тут раскомандовался. Запрещает плыть и объявляет реку несудоходной на том основании, что сам же и запретил ей течь.

– Освободите дорогу! – строго сказал Капитан в рупор.

– Ни за что не освобожу. Я бакен, – сказал Утёнок, Упрямый как Бык.

– Вы не бакен, – ещё строже сказал Капитан. – Вы утёнок, упрямый как бык. Но этого недостаточно, чтобы запретить реке течь, а пароходам плыть.

Утёнок молчал, изо всех сил перебирая лапками: он устал бороться с течением, потому что долго бороться с течением не в силах даже утёнок, упрямый как бык. Наконец он сдался

– и река понесла его назад.

Она несла его медленно, но Утёнок, Упрямый как Бык, всё равно не освобождал дорогу, так что Пароходу приходилось тащиться за ним следом – и, конечно же, Пароход опаздывал к месту назначения. Пассажиры были очень раздосадованы.

Но Утёнка, Упрямого как Бык, это уже не интересовало: по пути он нашёл свою толстую щепку, которая, оказывается, не доплыла до моря, а застряла в одной из маленьких речных заводей. Вытащив щепку на берег, он сказал раздосадованным пассажирам:

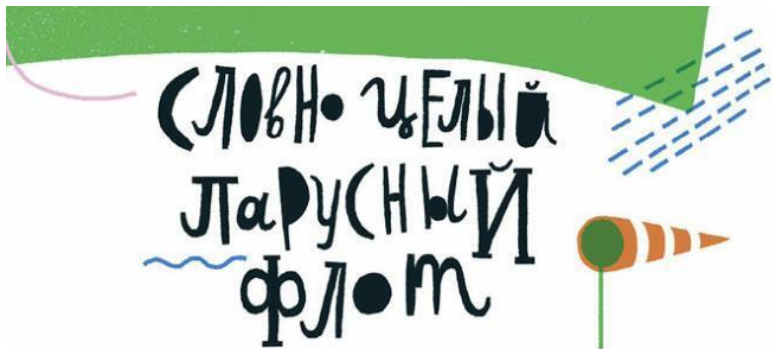
– Не надо так нервничать. Раз река вернула мне мой корабль, я могу снять запрет. – Тут он обернулся к реке и объявил: – Разрешаю тебе течь, река. Теки! – и со щепкой в клюве зашагал назад пешком по берегу: он всё ещё немножко сердился на реку.

А все посмотрели ему вслед и пожали плечами. И Капитан пожал плечами, и пассажиры. И даже Пароход пожал плечами, которые для такого случая у него вдруг нашлись. Да и нам с вами остаётся только пожать плечами, раз на свете существуют утята, упрямые как быки, – которые думают, что им подчиняются реки!

Словно целый парусный флот

– И настанет новый день, и подует тёплый ветер – и тогда, друзья мои, я поведу вас вперёд. И мы увидим дальние страны, и пальмы, и тигров, и павлинов. Мы поплывём, словно целый парусный флот, – и дети будут махать нам с берега! – Бумажный Кораблик закашлялся и не смог продолжать.

– Болтун! – вздохнула Вторая Половинка Красного Кирпича.

Вторая Половинка Красного Кирпича была здесь старожилом и помнила эти места ещё с тех времён, когда ни Бумажного Кораблика, ни остальных не было и в помине. А было лето, было сухо, и люди строили дом – вон тот прекрасный прямоугольный дом, в западную стену которого легла

родственница Второй Половинки Красного Кирпича – Первая Половинка Красного Кирпича, чем Вторая Половинка Красного Кирпича очень гордилась. Это ведь вам не шутка – иметь такую родственницу, которая, может быть, одна держит всю стену, причём западную!

О себе же Вторая Половинка Красного Кирпича рассказала только, что её специально отложили – для самого важного строительства в будущем. Ей поверили – и она совсем обнаглела.

– Мне принадлежит будущее, – заявляла она всем и каждому. – Взгляните на этот прекрасный прямоугольный дом из красного кирпича – великолепен, не правда ли? Но тот дом, в основание которого положат меня, будет ещё прекраснее и ещё прямоугольнее!

Вторую Половинку Красного Кирпича с почтением слушали, пока однажды на пустыре не появился некий странный субъект. Он был первым в истории пустыря, кто произнёс:

– Какой скучный прямоугольный дом!..

Оказалось, что это всего-навсего Бумажный Кораблик с двумя трубами: как-то после дождичка, в четверг, его пустили плавать по луже да и забыли. Он сразу очень не понравился Второй Половинке Красного Кирпича, а потом не понравился гораздо больше, потому что тотчас же начал нести всякую чушь: про пальмы, про тигров, про павлинов... И его слушали! Причём слушали все: и Спичечный-Коробок-с-Единственной-Спичкой, и Пластмассовый-Шарик-от-Дет-

ской-Игрушки, и Деревяшечка-без-Роду-и-Племени, и Зелёный Листок Неизвестного Растения...

– Никуда вы не поплывёте! – сразу же предупредила их Вторая Половинка Красного Кирпича. – Вы навсегда останетесь тут, пока не погибнете, – и раньше всех погибнет ваш Бумажный Кораблик. Смотрите, он и сейчас уже весь размок.

А дела Бумажного Кораблика и правда были плачевны. Трубы его покосились, корпус клонился к воде: второй день моросило. Он постоянно черпал носом из лужи – от этого у Бумажного Кораблика начались насморк и кашель. Впрочем, на третий день дождь перестал и пустырь посетило последнее солнце осени.

– Бумажный Кораблик! – воскликнул Спичечный-Коробок-с-Единственной-Спичкой. – Кажется, наступило время. Я уже так давно хочу увидеть дальние страны!

– И я! – подхватила Деревяшечка-без-Роду-и-Племени. – Эти дальние страны стали даже сниться мне по ночам...

– А мне бы только поглядеть на пальмы! – нетерпеливо бормотал Зелёный Листок Неизвестного Растения. – Я, кажется, нахожусь с ними в отдалённом родстве.

Пластмассовый-Шарик-от-Детской-Игрушки ничего не сказал: он только вздохнул, но как тяжело!

– Осталось недолго, – бодро откликнулся Бумажный Кораблик. – Вот только подует тёплый ветер...

– Даже если он и подует, – вмешалась Вторая Половинка

Красного Кирпича, – вам с места не стронуться! Взгляните лучше на этот прекрасный прямоугольный дом. Кстати, тот дом, для которого сохранили меня, будет ещё прекраснее...

– ...и ещё прямоугольнее! – грустно прошелестел Бумажный Кораблик.

Тёплый ветер подул, но совсем слабо. А солнце светило несколько дней и полностью высушило лужу. На вязком дне лежали теперь уже молчаливые её обитатели – только иногда, при очередном лёгком колебании воздуха, доносился из лужи еле различимый шелест:

– ...Мы поплывём, словно целый парусный флот, – и дети будут махать нам с берега!

Но колебания воздуха случались так редко...

А ещё через несколько дней лужа опять наполнилась водой. То, что лежало на дне, всплыло на поверхность, но – увы... Спичечный-Коробок-с-Единственной-Спичкой едва держался на плаву, Зелёный Листок Неизвестного Растения наполовину погрузился под воду, дела Деревяшечки-без-Роду-и-Племени и Пластмассового-Шарика-от-Детской-Игрушки тоже были неважные, а уж что касается Бумажного Кораблика... Он превратился просто в комок мокрой бумаги – ни тебе труб, ни вздёрнутого носа.

– Ну и флот! – кряхтела Вторая Половинка Красного Кирпича. – Шли бы вы уж лучше ко дну: мне стыдно за вас перед моей родственницей, которая, как известно, одна держит на себе всю западную стену. А это не просто! Но мы, кирпи-

чи, крепкая порода: что бы ни случилось в мире, мы всегда остаёмся такими же, как были...

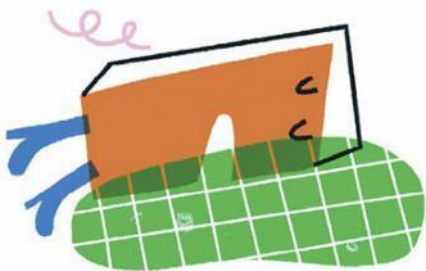
– ...прекрасными и прямоугольными! – прохлюпал комок мокрой бумаги почти из-под воды.

– Никогда, никогда не увижу я дальние страны! – воскликнул вдруг Спичечный-Коробок-с-Единственной-Спичкой. – Я тону...

– И я тону, – почти захлёбываясь, прошептал Зелёный Листок Неизвестного Растения. – Прощайте, пальмы!

– Мне больше не снятся сны, – посетовала откуда-то снизу Деревяшечка-без-Роду-и-Племени, а Пластмассовый-Шарик-от-Детской-Игрушки ничего не сказал: в нём оказалась маленькая дырочка, и он чуть ли не доверху был заполнен водой.

Дожди всё шли и шли, и скоро на поверхности лужи ничего уже не плавало. А потом началось настоящее наводнение – даже Вторую Половинку Красного Кирпича с головой накрыла вода. Могучая река с сильным течением омыла пустырь – и Вторая Половинка Красного Кирпича, не веря глазам своим, увидела, как поток подхватил и понёс, понёс мимо неё лёгкие силуэты бывших обитателей лужи, причём возглавляла флотилию пригоршня мокрой бумажной массы. Течение влекло их вперёд – может быть, именно туда, где пальмы, тигры и павлины...

Вторая Половинка Красного Кирпича закрыла глаза и сказала себе:

– Какие только странные сны не приходится видеть под водой!

Грёзы балкончика

Грезили ли вы когда-нибудь?

Нет, я не имею в виду, мечтали или видели сны, – грезили ли вы? То есть вот так: вы спите и не спите, бодрствуете и не бодрствуете, а точнее – спите и бодрствуете... как-то так... И непонятно: происходит ли что-нибудь из того, что происходит, или вовсе ничего не происходит из этого? Бывало с вами такое?

Вот и Балкончик грезил: висел себе над городом и грезил. Впрочем, нельзя сказать, что он висел себе, поскольку он не сам по себе висел – отдельно от мира, а висел при доме.

Дом был старинный, розоватый и назывался «русский ампир». А «ампир» – это такой торт... но из камня! Стало быть, как только вы увидите торт из камня, смело говорите: «Русский ампир!» – и не ошибётесь, даже если слово «ампир» так и останется вам непонятным.

Что же касается самого Балкончика, то он был похож на цветок – этакая розочка из белого крема на торте, которую хочется съесть раньше всего остального. И был он весь в завитушечках – симпатичный Балкончик, прелесть просто! Правда, в том переулочке, где он висел, мало кто мог его видеть... Да и сам он мало что мог видеть: народу тут почти не ходило. Потому-то и грезил Балкончик: ведь грезить начинают тогда, когда вокруг мало что видно...

Значит, на этом и остановимся: Балкончик грезил. Разберёмся просто, как он это делал. А делал он это так: забывал, что он балкончик, и думал, что он птичка такая. И говорил себе тихонько: «Я птичка такая». И словно бы начинал лететь над городом.

Конечно, будь он подвешен к современному какому-нибудь дому, представлять себя птичкой такой ему было бы не в пример легче: птицы ведь высоко летают! В его же положении представлять себя птичкой такой было, честно говоря, за-труд-ни-тель-но. Но он всё равно затруднял себя и – представлял. Правда, не очень точно представлял: он ведь оставался на месте, а у птичек так редко бывает, они постоянно перемещаются. Балкончик, в принципе, тоже очень не

прочь был бы переместиться, но переместиться он мог бы только вместе с домом, к которому был прикреплѐн. Дом же никуда перемещаться не хотел, потому что был тяжѐлым и старым. Стало быть, и Балкончику приходилось не перемещаться. А коли так... значит, вообразить себя надо было не просто птичкой такой, но неподвижной птичкой такой, что, вне всякого сомнения, гораздо трудней.

– Я неподвижная птичка такая, – внушал он себе совсем тихо, да переулочек, на его беду, был уж слишком узким: любое тихое слово звучало тут как гром среди ясного неба.

И всякий, кто хотел услышать, что говорил Балкончик, мог услышать, что говорил Балкончик. Ну и... у-слы-ши-вал!

– Неподвижных птиц не бывает, – так отвечала (хоть никто её и не спрашивал) Крайняя Колонна. – Все птицы, которых я знаю, – а их мимо миллионы напролетало! – очень подвижны. Они никогда не сидят на месте. Если птица неподвижна, она мертва. Так что ты, Балкончик, мёртвая птичка такая.

– Птичка может не умереть, а просто замереть... тогда она тоже неподвижная. Я замершая в воздухе неподвижная птичка такая.

– Где ж тогда твои крылья? – спрашивал Горшок-с-Геранью. – Все птицы имеют крылья. Где твои крылья?

– Вот, – отвечал Балкончик и показывал узенькие карнизики с обеих сторон.

– Тогда помаша ими! – требовал Горшок-с-Геранью.

– Пожалуйста! – говорил Балкончик и начинал пытаться сдвинуть карнизики с места.

– Эй-эй, поосторожнее, я вовсе не хотел бы развалиться! – ворчал Дом.

Балкончик утихомиривался, а Горшок-с-Геранью продолжал:

– Это было во-первых. А во-вторых, все птицы имеют перья. Где твои перья?

– Вот, – отвечал Балкончик и предъявлял завитушечки.

– Тогда почисти их! – распорядился Горшок-с-Геранью, и Балкончик начинал пытаться дуть на завитушечки, но они от этого чище не становились.

И тут уж всякому делалось понятно, что никакая он не замершая в воздухе неподвижная птичка такая, а просто-напросто Балкончик.

– Всё равно я улечу отсюда! – говорил он так тихо, что почти про себя, но его тем не менее тут же услышали.

– Тогда в стене образуется дырка, и людям будет холодно жить, – предупреждал Дом.

Балкончику было жалко людей – и он терпел улетать.

Как-то осенью все люди взяли и выехали из дома, а дом взяли и обнесли лесами. Это означало, что в доме начинается ремонт. Тут-то Балкончик и решился...

– Настала осень! – сказал он во весь голос. – И теперь я улетаю отсюда в жаркие страны.

- Ну-ну! – усмехнулась Крайняя Колонна.
- Давай-давай! – подзадорил Горшок-с-Геранью.
- Эй-эй, поосторожнее! – предостерег Дом.
- До встречи весной! – крикнул Балкончик.

Но все вокруг только расхохотались, потому что Балкончик так и остался на месте.

– Ужасно глупый Балкончик! – выразил общее мнение Горшок-с-Геранью, и все принялись обсуждать, в какой цвет выкрасить балкончиковы завитушечки после ремонта.

Однако тот в мыслях своих уже размахивал узенькими карнизиками, устремляясь в небо. Там он присоединился к стае журавлей и полетел вместе с ними – последним в стае, замыкающим. И легонько трепетали на ветру его завитушечки.

А внизу всё ещё продолжали обсуждать, в какой цвет эти завитушечки красить...

Если вы спросите меня прямо, улетел Балкончик или нет, то я, пожалуй, и не отвечу. Ведь когда мы грезим, нам совершенно непонятно, происходит ли что-нибудь из того, что происходит, или вовсе ничего не происходит из этого... кто знает!

Два зонтика

Два зонтика познакомились в липовой аллее. Они шли на встречу друг другу – и прямо-таки обмерли, когда их хозяйка остановилась и заговорила.

– Здравствуйте, – сказал хозяин Чёрного Зонтика голосом низким и мягким. – Какими судьбами в наши края?

– Здравствуйте, – сказала хозяйка Пёстрого Зонтика голосом светлым и лёгким. – Проездом.

Разговор продолжался, но зонтики не слышали его. Да если бы и слышали – разве могут зонтики понимать человеческий язык! А если бы и понимали – разве могут зонтики разобраться в человеческой жизни! Впрочем, зонтикам бы-

ло не до этого: они смотрели друг на друга.

– Вы так красивы, – хрипло произнёс Чёрный Зонтик, – что у меня даже болят глаза. Как называются Ваши цветы?

– Ромашки, – прошелестел Пёстрый Зонтик.

– Ромашки, – повторил Чёрный. – Никогда не видел таких цветов у других. А ведь объездил весь мир. Наверное, Вы из какой-нибудь далёкой страны?

– Ах нет, – рассмеялся Пёстрый Зонтик. – И даже не из другого города. Что же касается моих ромашек... Посмотрите, какие красивые японские цветы на зонтиках вокруг Вас!

– Мне до них дела нет. А Ваши ромашки напомнили мне детство. Моя деревянная ручка – родом из леса. В том лесу был один замечательный лужок. Может быть, на нём росли такие цветы, как Ваши, только я уже точно не помню. Это было давно.

Зонтики даже не замечали, что давно движутся в одном направлении.

– А я, – смущённо сказал вдруг Чёрный Зонтик, – наверное, кажусь Вам таким, как все.

– О нет! – с поспешностью воскликнул Пёстрый Зонтик и ещё больше смутился от своей поспешности. – Вы совсем не похожи на всех. Вы такой большой и печальный... Наверное, оттого что Вы такой большой, в Вас так много печали.

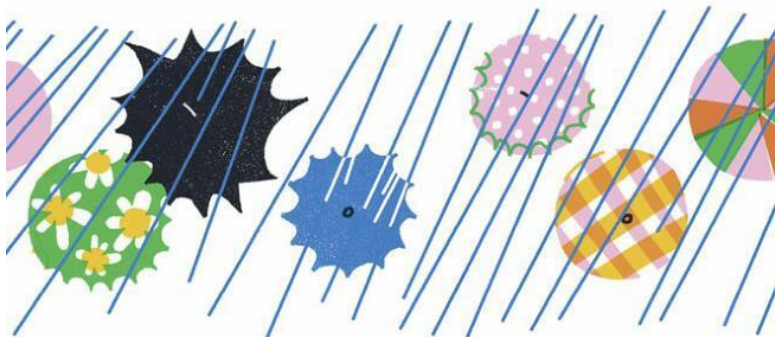
Чёрный Зонтик усмехнулся:

– Просто я старый. Когда я был молод и у меня были ещё целы все спицы, я, кажется, действительно, выглядел...

гм... bravым. Я раскрывался с таким, знаете ли, треском: кр-р-рах! Многие прохожие даже шарахались. А теперь меня трудно раскрыть и спицы мои скрипят. Ну и потом, я, конечно, изрядно пообносился. Видите ли, меня уже несколько раз латали. И чехол давно потерялся – где-то при переездах. И ручка вся в царапинах. – Чёрный Зонттик улыбнулся и стал от этого ещё печальней.

– Я люблю Вас, – неожиданно сказал Пёстрый Зонттик. – Вы самый лучший зонттик на свете!

– Я? – оторопел Чёрный Зонттик. – Да Вы только посмотрите, какой роскошный зонт шагает справа от Вас. Он даже весь напрягся и смотрит на Вас, как... как влюблённый!

– Он не влюблённый, – едва скользнув взглядом направо, сказал Пёстрый Зонттик. – Он самовлюблённый.

– Боже мой! – рассмеялся Чёрный Зонттик. – Вы так мо-

лоды и так прекрасны...

Внезапно оба зонтика закрыли и сдали на вешалку. Их хозяйева вошли в кафе. Зонтики оказались совсем рядом – на соседних крючках.

– О чём Вы думаете? – спросил Пёстрый Зонтик, чтобы не молчать.

– Я думаю о том, – тщательно подбирая слова, отвечал Чёрный Зонтик, – что если бы я был немного моложе, то попросил бы разрешения поцеловать Вас.

В ответ Пёстрый Зонтик прильнул к Чёрному – они поцеловались и улыбнулись друг другу в темноте.

– Скажите, а Вы часто целовали другие зонтики? – спросил вдруг Пёстрый Зонтик.

– К сожалению, часто, – отвечал Чёрный, – но разве это имеет значение?

– Нет, – просто ответил Пёстрый Зонтик.

– Мы будем жить вместе! – Чёрный Зонтик заговорил взволнованным шёпотом. – Я никогда не буду пускать Вас под дождь, чтобы не поблёкли Ваши ромашки. Я один буду ходить под дождь: смотрите, какой я большой! Подо мной хватит места не только двоим, но и четверым, если каждый возьмёт соседей под руки. Я буду держать Вас в чехле – красивом чехле с ромашками. И только очень редко стану открывать чехол, чтобы полюбоваться Вами.

– Нет-нет, – протестовал Пёстрый Зонтик, – это я буду ходить под дождь! Вас нужно беречь – ведь таких, как Вы,

нет больше.

Они говорили – и, часто-часто ударяясь об пол, с них капали слёзы.

– Всю гардеробную мне намочили! – проворчал старенький швейцар, доставая из кармана клетчатый носовой платок и прикладывая его к глазам. Старенький швейцар всю жизнь проработал на вешалке, он хорошо понимал язык зонтиков.

Зонтики долго гуляли в тот день по улицам и строили планы. Внезапно они зацепились друг за друга – и...

– Вы куда? – вскрикнул Чёрный Зонтик и почувствовал укол спицы в самое сердце.

– Я не знаю! – пролепетал Пёстрый Зонтик и вывернулся наизнанку.

Хозяйка Пёстрого Зонтика что-то ещё сказала хозяину Чёрного – зонтики не слышали ни хозяйки, ни хозяина. Да если бы и слышали – разве могут зонтики понимать человеческий язык! А если бы и понимали – разве могут зонтики разобраться в человеческой жизни!

– Вы найдёте меня? – издалека кричал Пёстрый Зонтик.

– Обязательно! – отчаянно хрипел Чёрный.

И, совсем уже потеряв его из виду, Пёстрый Зонтик, расталкивая другие пёстрые и чёрные зонтики и взлетая над ними, прозвенел на самой высокой и чистой ноте:

– Я напишу Вам письмо-о-о!

Пустая петелька

Если Вы петелька, то самое страшное, что с Вами может случиться, – это если на Вас ничего не застегнут. Тогда Вы пустая петелька, а пустая петелька есть петелька никчёмная, это Вам любая разумная петелька скажет. И ещё скажет, что петельки существуют с одной-единственной целью: чтобы просовывать в них пуговицы и застёгивать. Чем чаще петельку застёгивают, тем она, значит, полезнее.

А то бывает ещё одежда совсем без петелек – это на которой пуговиц нету. Правда, такую одежду редко покупают – увидят, что нет пуговиц, и сразу говорят: «Да ну!..» А означает это приблизительно вот что: какая же это, дескать, одежда, если её только через голову можно надевать? Ну и

откладывают такую никчёмную одежду в сторону. Лежит она в стороне и плачет.

Вот как много могут значить петельки – особенно, конечно, застёгнутые! Идёшь по улице, весь снизу доверху застёгнутый, и сразу понятно, что ты человек, с которым спокойно можно иметь дело: такому что угодно доверь – не подведёт!

Всё это Пустая Петелька, разумеется, знала, да толку от её знаний, увы, не было. Потому что на неё никаких пуговиц в жизни не застёгивали. И другие петельки, на которые самые разные пуговицы застёгнуты были, с ней даже не разговаривали: кому охота разговаривать с Пустой Петелькой? Да и о чём с ней разговаривать?

Вон с той большущей петелькой – настоящей петлёй, в которой вечно Костяная Пуговица болтается, определённо имеет смысл поговорить: начнёт она тебе о своей жизни рассказывать – заслушаешься! И как в ней сначала обычная пуговица была, и как потом эта пуговица оторвалась и потерялась, и как долго новую подбирали, пока вот на этой вот не остановились, и как новая сначала в неё не лезла... Большущая Петля – собеседница что надо. Если разговорится, может даже рассказать, как из-за неё пальто специально в ателье носили, потому что петельку пришлось ещё раз обмётывать!

А кому же такое не интересно узнать? Всякому интересно!
«Хоть бы на меня что-нибудь застегнули! – размышляла Пустая Петелька. – Всё равно что... пусть и самую малень-

кую пуговку. Тогда я бы тоже могла разговаривать с другими петельками – и, когда придёт вечер, устало, как и они, проносить: “С утра пуговка совсем лёгкой казалась, а к вечеру что-то уж больно к земле тянет!”»

Так большие петельки всегда говорили, и было понятно, что день для них прошёл не зря. Дескать, хорошо потрудились, теперь можно и на покой – это когда одежду расстегнут и на вешалку повесят! Тут все петельки глазки закроют – и спать, потому что завтра им опять на работу.

И ещё время от времени рассказывали всякие страшные истории – как та или иная петелька не выдерживала. И рвалась. Если такое случалось, одежду даже выбрасывать иногда приходилось, хоть и почти ещё новую! Потому что если петелька разорвалась, то это катастрофа: ни застегнуть на неё ничего нельзя, ни так ходить: разорванная петелька – она ведь сильно в глаза бросается.

Так или иначе, а Пустая Петелька всё равно ужасно надеялась, что на неё однажды хоть что-нибудь застегнут... не обязательно же сразу рваться! Если у тебя с пуговицей хорошие отношения и ты с ней душа в душу живёшь, рваться вообще ни к чему... хотя, понятно, смотря какая пуговица попадётся. Потому что пуговицы и капризные бывают, которые так и норовят из петельки выскользнуть! Застёгивают их раз, застёгивают два, застёгивают три... а они всё равно выскакивают – и тогда петелька в конце концов не выдерживает...

Правда, надежд даже и на такую пуговицу, конечно, бы-

ло мало. С петельками-то ведь как: для каждой из них своя пуговица предназначена, и это сразу видно, потому что петелька на одной стороне, а соответствующая ей пуговица – на другой. Тут даже и гадать нечего, какую пуговицу на какую петельку застёгивать!

Да беда в том, что против Пустой Петельки и пуговицы-то не было: наверное, оторвалась давным-давно, а пришить забыли – так часто случается, что забывают. Правда, забывать-то забывают, только потом пуговицу рано или поздно пришивают всё равно, и тогда петелька – опять за работу! Против нашей же петельки всегда только пустое место на пиджаке было и ничего больше. Ей даже казалось, что она на этом месте и вообще пуговицы никакой от рождения не видела... но, наверное, это было не так: ведь любой петельке какая-нибудь пуговица да соответствует!

В конце концов Пустая Петелька решила, выбрав вечернее время, когда рабочий день уже кончился, уточнить это у какой-нибудь другой. Ближе остальных к ней оказалась та самая Большущая Петля на пальто, в которой днём Костяная Пуговица болталась. Пальто было явно старше пиджака, причём намного, так что Большущая Петля вполне могла помнить, имелась когда-нибудь напротив Пустой Петельки пуговица или нет.

– Ни-ко-гда! – со знанием дела ответила Большущая Петля. – Сколько себя помню, там всегда пустое место было.

– Зачем же тогда меня сделали? – в отчаянии спросила

Пустая Петелька.

– По ошибке, – сказала Большущая Петля. – Люди часто ошибаются. Я даже видела одну куртку, у которой карман был прямо на спине пришит!

Одежда, висевшая поблизости и слышавшая этот разговор, расхохоталась – да так, что вешалка чуть не обвалилась! А потом все принялись шушукаться, поглядывая на Пустую Петельку, и даже п-р-ы-с-к-а-т-ь... осторожно, конечно, чтобы она не заметила.

Только Пустая Петелька всё равно это заметила и расплакалась.

«Как же можно допускать такие ошибки? – думала она о людях. – Это всё равно что сделать замочную скважину, а ключа к ней не сделать!»

Но наутро к вешалке подошёл на редкость торжественный Дедушка. В руке у него была небольшая гвоздика тёмно-бордового цвета. И он вдруг осторо-о-ожно раздвинул Пустую Петельку и продел в неё эту гвоздику! Пустая Петелька обомлела – и все на вешалке тоже обомлели. Дедушка же надел пиджак, шагнул к зеркалу, причесал усы и с удовольствием посмотрел на себя.

– Какой ты сегодня торжественный, – сказала Бабушка и улыбнулась, – даже вон цветок в петлице!

– Это потому, что сегодня я иду к Вечному Огню, – немножко смущённо ответил Дедушка.

– Её даже зовут не Петелька, как нас, а – Петлица! – с

уважением зашушукались на вешалке.

А Недавно-Ещё-Пустая-Петелька – Петлица, бережно неся в себе цветок, подумала, что быть украшенной таким цветком – пусть даже и один раз в жизни – лучше, чем всю жизнь застёгиваться на пуговицу!

И, скажу вам по секрету, в этом она была совершенно права.

Слон в полном смысле этого слова

Вы мне сейчас сразу скажете, что слон и вообще бывает только в полном смысле этого слова – иначе он просто не слон. А вот и нет!.. Хотя, чтобы это понять, надо, конечно, знать о том, что имело место в зоопарке.

В зоопарке же имела место Новая Метла. Раньше место это занимал неказистый один Веничек. Его привыкли не замечать: подметает клетки, и ладно. Но Веничек состарился и устал. На работу приняли Новую Метлу, а Веничка проводили на пенсию и забыли.

Новая Метла представилась строго.

– Так, – сказала она. – Я тут Новая Метла. Я буду следить за порядком. И чтобы мне ни-ни!

И все в зоопарке немедленно сделались ни-ни: и Зверски Грустный Верблюд, и Невыносимо Печальная Лошадь Пржевальского, и даже те, кто раньше были просто ого-го, – Безумно Старый Лев и Безумно Молодой Тигр: оба они из ого-го сразу же превратились в ни-ни.

Ни-ни, и всё тут! Вот оно как...

Уже на следующее утро Новая Метла отчитала Зверски Грустного Верблюда:

– Что ж это Вы, милейший, колючек по всему загону накидали? Я, конечно, уберу за Вами сегодня, но чтобы с завтрашнего дня Вы у меня – ни-ни!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.